

Мэрилин Тюннешенд

МАГИЧЕСКОЕ СНОВИДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРХЕТИП & ПУТЬ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2023.

ББК 86.4

УДК 133

Мэрилин Тюнншенд.

Магическое сновидение - "Архетип & Путь". 2023. - 225 с.

Книга "Магическое сновидение" Мэрилин Тюнншенд рассказывает о жизни писательницы, которая обнаруживает, что больна СПИДом. Она решает вернуться в Мексику, на место своего обучения, чтобы пройти ритуал "исцеляющего сновидения". В самом сердце руин древнего города Паленке она переходит в другие миры, где вступает во взаимодействие с мощными преобразующими энергиями. Эта книга погружает читателя в магический мир, где реальность переплетается с мистикой и духовным путешествием.

Сама Мэрилин Тюнншенд так говорит о своей книге «Магическое Сновидение»: «Это — дар трансформации. Когда ее бессмертная искра попадет в вашу душу, постепенно начнется магическое преображение». Цолькин, пророческий календарь древних Майя, указывает на наш век как на период великих перемен и трансформации. Во время последнего Катуна — двадцатилетнего цикла (с 1992 по 2012 год) люди начнут вспоминать. Они вспомнят то, как мы попали сюда. Они вспомнят свою божественную эволюционную матрицу. Произойдет мировое смещение к женскому аспекту. Женщины будут нести просвещение всем культурам.

Издательство «Архетип & Путь».

Санкт-Петербург.

2023.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Пролог	9

ЧАСТЬ I СНОВИДЕНИЕ

Глава I	13
Глава II	22
Глава III	40
Глава IV	53
Глава V	70
Глава VI	85
Глава VII	99

ЧАСТЬ II ИСЦЕЛЯЮЩЕЕ СНОВИДЕНИЕ

Глава VIII	111
Глава IX	123
Глава X	135
Глава XI	147
Глава XII	157
Глава XIII	168
Глава XIV	180
Глава XV	193
Глава XVI	208

ВСТУПЛЕНИЕ

В середине семидесятых я училась на последних курсах университета и проявляла горячий интерес к языкам и религиям древних. Тогда я всерьез собиралась заняться написанием докторской диссертации. У меня был жених – честолюбивый ирландский поэт, опьяненный «романтикой дороги». Мы с ним договорились, что сразу же по окончании университета отправимся в путешествие на поезде через всю Америку в Мексику. Когда он погиб – внезапно и трагически, – я решила, в память о нем, осуществить наши планы самостоятельно.

Благодаря этому решению мне посчастливилось познакомиться с индейцем из Юмы, которого я буду называть в этой книге Джоном Черной Вороной. Это не традиционное индейское имя, но оно прекрасно символизирует один аспект его жизни. Его подлинное имя несет в себе невыразимое уныние. Моя дружба с Джоном совсем не походила на формальное ученичество. Мое знакомство с ним скорее можно уподобить похищению солнца древним богом.

На языке своего народа Джон мог быть назван Кваксоном – человеком, владеющим одной из главных форм Сновидческой Силы. Его сны и его откровения заставили меня вступить в смертельную борьбу за собственную трансформацию. Его намерением было пробудить во мне энергии феникса, преобразить меня в существо, подобное ему самому, чтобы он смог покинуть мир вместе со мной. Именно поэтому он позвал меня и убил меня – разбросав взрывом в бесконечности перед моими собственными глазами.

Джон познакомил меня с другим Сновидящим – Сновидящим, обладающим особой Сновидческой Силой. Я назвала его Чоном. Чона больше всего интересуется исцеление

жертвенного элемента, присущего процесс трансформации. В древности этот элемент присутствовал в виде человеческих или кровавых жертв, хотя чаще всего при этом происходило жертвоприношение жизненной энергии с подавлением исконного, женского и созидательного начала. Именно в Сновидении Чона жертвоприношение обрело статус восхождения на иной уровень сознания, при котором существо достигало подлинной и полной трансформации.

Чон околдовал меня своей любовью и своим знанием учения Древних. Его магия обращена к синхронным уровням осознания и измерениям времени. Для того чтобы понять эти практики, я тала искать инструкции в календаре народа Майя, который называется Цолькин. Чон чувствовал, что исцеление – многомерный процесс, одновременно происходящий на всех уровнях, во все времена и во всех измерениях.

Оба этих необыкновенных существа применяли ко мне свою магию, гармонизируя во мне мои энергии в некоем танце Создателя-Разрушителя. Чтобы пережить их уровни существования, я отправилась два отдельных мира, где в том, что эти миры могут стать достижимыми, а их энергии могут быть использованы для трансформации сознания.

Надеюсь, что, памятуя об этом, читатель сможет пересмотреть свою жизнь и свои сны, соотнося их с манифестацией Созидательного Сновидения.

Концепция Целительного Сновидения проистекает из того, что вся жизнь и все сознание связаны между собой. Время – едино, и мы существуем в вечном Сейчас. Это подобно настройке радиоприемника, при которой воспринимаемый нами частотный спектр и создаваемая им реальность зависят от того, где именно мы фокусируем свое сознание. Смерть – всего лишь поворот ручки настройки,

но мы продолжаем существовать, как и все мироздание. Ради истинного исцеления мы должны перейти на все уровни творения, во все времена.

Это и есть Магическое Сновидение – дар трансформации. Оно заронит свою бессмертную искру в тебя и начнет творить свое волшебство. Пусть же эта искра проникнет как можно глубже. Позволь мне, читатель, привести пример, как этот процесс происходил во мне.

В 1922 году, в мой день рождения, корабли из Колумбии прибыли в порт моего родного города. После многих лет общения с туземными Сновидящими я поняла, что это событие было большим знамением. Вскоре я получила стипендию Национального Фонда для продолжения моего исследования культуры Майя. А затем, возвратившись из летнего путешествия по мексиканским джунглям, я серьезно заболела. Эта болезнь приводит к изменению структуры ДНК.

Для того чтобы понять эту метаморфозу, я должна познать мощные преобразующие энергии – растворить все свое существо, чтобы возвратиться к первобытному состоянию. При возвращении в этот мир я не перенесла в него всех частей своего Я и разбудила новые энергии, непостижимые для меня ранее. Изю всех сил я пыталась восстановить равновесие. Я обладала знанием, неведомым этому раненому миру. Преображение, познанное мной, обладает достаточной силой, чтобы исцелить этот мир, перенеся его на иной уровень вибраций.

В чем заключается этот целительный процесс? В восстановлении первобытных условий или в эволюции, направленной в рамках этих условий к высшим идеалам творения? К чему ведет оно: к смерти или к новой жизни? Требует ли оно Божественного вмешательства или зовет

к личному озарению? Является ли это проверкой нашего мужества? Осмелимся ли мы полюбить в полную силу? Ответы скрыты от нас, они дремлют, как капсулы времени, спрятанные в древних пирамидальных склепах.

Пророческий календарь Майя указывает на 2012 год Р. Х. как на год их пробуждения. Согласно верованиям Майя, Земля прекратит рециркуляцию жизненной энергии незадолго до наступления этой даты; эта эссенция будет использована для того, чтобы великие перемены стали возможными. Майя верят в циклическую природу времени. Согласно их записям, это будет пятое разрушение и воссоздание, несущее собой эру шестого солнца – солнца сознания.

Это пророческое Сновидение охраняется существами, зовущимися Чуч Кахау – хранителями времени в классической культуре Майя. Чуч Кахау следят за тем, чтобы всегда находились люди, готовые ублажать эти силы, поставляя им необходимую жизненную энергию – обычно в виде человеческих жертвоприношений. Одним из таких людей, наблюдавших за обрядом жертвоприношения, был Халач Винник – высший чин военизированного общества Майя, в котором не было правителей.

Халач, как сказал мне мой Чуч Кахау, – враг. Ибо он пытается контролировать силы трансформации. Моим союзником является майянский бог Кукулкан – покровитель истинной трансформации, достижимой при одухотворении или пожертвовании собственного я.

ПРОЛОГ

Мои родители обладали огромной энергией. В один прекрасный день моему отцу суждено было стать разработчиком ракет «Аполлон». Моя мать была помесью буйвола и львицы. Они были в восторге от собственного брака. В порыве первобытной страсти они слились в единое целое в свою первую брачную ночь, и через девять месяцев и два дня я появилась на свет, помня все это.

Прирожденная Сновидящая, я провела свое одинокое детство в подвале, где у меня была крохотная модель «высшего мира», заключающая в себе древний дух, с которым я вела беседы и который я прозвала «Дедушкой». Дедушка обычной стоял в тени – высокий и статный, – говоря на языке, понятном лишь мне, давая советы в таких вопросах, до понимания которых, по общим представлениям, я еще не доросла.

Впервые я увидела Дедушку во плоти тогда, когда мы выехали из своего дома, находящегося на Юге, и пересекали пустыню. Мой отец тогда занимался разработкой «лунных проектов». Я же, маленькая девочка, сидела на заднем сиденье машины, наблюдала через заднее окно за стариком-индейцем, идущим вдоль дороги, и разыгрывала сцену собственного похищения, заламывая в отчаянии руки. Он бросил на меня взгляд и залился таким хохотом, что ему пришлось остановиться, и я отчетливо помню, как его фигура становилась все меньше и меньше, а дорога уносила пыль, поднятую нашим автомобилем. Затем порыв ветра забросил в автомобиль бабочку через открытое окно, и она устроилась на моем бедре.

Моя «впечатлительность» стала предметом особого внимания со стороны родителей во время вступления в пе-

реходный возраст, словно они боялись, что что-то «неконтролируемое» может случиться. «Хрупкая» — вот как меня окрестили. Я скрывала свой тайный язык от всех, ожидая кого-то, кто сможет говорить на нем со мной. Кого-то, кто сможет оказаться рядом со мной — по одну сторону зеркала — и при этом наслаждаться красотой.

Им оказалось первое существо, в которое я влюбилась. Чужак и поэт Высокий тонкий брюнет с бледно-голубыми глазами и глубоким текучим голосом. Мы могли телепатический перешептываться целую вечность в университетских аудиториях и не отрывали друг от друга глаз в переполненных холлах. Никогда прежде я не встречала существа, с которым могла делиться столь многим и к которому могла прикасаться при этом. Затем его не стало.

ЧАСТЬ I

СНОВИДЕНИЕ

ГЛАВА I

Мы возвратились на юг. Именно здесь я встретила Ричарда Моррисона и влюбилась в него. Ричард приехал в Штаты из Северной Ирландии для того, чтобы изучать американскую литературу в маленьком колледже на юге страны. В то время я еще не решила, чему посвятить себя, и колебалась между иностранными языками и вопросами религии и философии.

Ричард был моим первым мужчиной, и я отдалась этому чувству целиком. Я шокировала своих родных тем, что, не скрывая своей связи, перебралась из общежития в его квартиру. Я была очарована им, и ему это нравилось. Но и он был пленен мною. Мы оба были ненасытными читателями и жарко обсуждали все прочитанное. Особенно нас интриговали Джек Куруак и Уильям Барроуз, Карлос Кастанеда и Габриэль Гарсия Маркес.

После того как Уильям Барроуз прочел цикл лекций в нашем колледже, мы с Ричардом приняли решение отправиться в путешествие по Мексике сразу же после сдачи выпускных экзаменов. К этому времени Ричард должен будет получить диплом по английской литературе, а я по испанскому языку. Лекции были посвящены «Обнаженному ланчу»*, после чего на частной квартире состоялся ужин в честь автора.

* *Naked Lunch* – самое знаменитое произведение Уильяма Барроуза (William Burroughs) – сюрреалистический роман, описывающий наркотическую зависимость.

На ужине присутствовал Джером, игравший на фортепьяно для Билли Холидей.

Было около девяти часов, когда мы подъехали к изящному дому, стоящему у озера. На мистера Барроуза со всех сторон сыпались вопросы. А мы с Ричардом стояли на кухне и наблюдали за тем, как люди постепенно начинали осознавать собственную неспособность вести осмысленный разговор и в смущении отходили от писателя, оставляя место для нас. Ричард подал мне знак приблизиться к Барроузу, в то время как тот ободряюще смотрел на него.

Я сделала несколько шагов вперед и произнесла: «Визуальное измерение вашего творчества очень стимулирует».

Барроуз улыбнулся в ответ и вздохнул все грудью.

— Этот парень, что с вами, он кто, писатель?

Я кивнула Ричарду, и он подошел к нам. Я представила мужчин друг другу и, разговаривая, мы вошли во флоридскую комнату, расположенную над роялем. Сквозь стекло, мы увидели под собой напоминающий аквариум холл, залитый золотым светом, и Джерома, перебирающего белые клавиши... Зрелище было совершенно волшебным.

Нас возвратил к действительности голос писателя, звучный, как электропила. Он стал рассказывать историю про джентльмена из Нью-Йорка, разыскавшего его сразу же после встречи с пришельцами. Пока Барроуз увлеченно рассказывал Ричард о том, как тот человек пытался убедить его использовать этот случай в одном из своих произведений, я, увлеченная музыкой, совершенно забыла о своих собеседниках. Наконец, обернувшись к писателю, произнесла:

— Что же хотел сообщить нам пришелец?

Барроуз ухмыльнулся в ответ, выпустил изо рта длинную струю дыма, достойную крестного отца сюрреализма, и позволил своей свободной руке на мину ту задержаться на кармане консервативного костюма-тройки.

— Эта часть оказалась совершенно несурзной, — крикнул он. — До этого момента я слушала его с большим интересом. Предположим, сияющий купол висит в воздухе и освещает Н₄ в ночном небе.

Лицо Барроуза не выражало ровным счетом ничего. Ричард издал хриплый смешок.

— А что же такое Н₄? О чем это должно нам говорить? — спросила я, тряхнув головой.

— Вот именно! — бешено замахал руками писатель. — Именно тут все полетело к чертям! Я совершенно разочаровался в нем — вежливо поблагодарил и распрощался.

— Какая жалость, — пробормотала я.

Именно в эту минуту подвыпившая примадонна, одетая в цветастое платье, скрывающее ее могучий торс, подплыла к Барроузу:

— Ах, господин Барроуз, возьмите меня как-нибудь полетать с собой!

Барроуз застонал и захихикал, изо всех сил сопротивляясь женщине, увлекающей его в гущу гостей, но вскоре был поглощен группой вновь прибывших.

Этим же вечером, но несколько позже, Ричард долго проговорил с Барроузом во флоридской комнате. Все это время я просидела внизу, наслаждаясь наилучшим сыгранным на фортепьяно джазом, который я когда-либо слышала в своей жизни. На обратной дороге Ричард говорил не переставая. Он взял адрес секретаря Барроуза и получил

предложение посылать туда образчики своей прозы. Они также долго обсуждали вопрос о том, насколько вдохновляющими для писателя являются путешествия.

– Я хочу, чтобы мы с тобой отправились в Мексику, сразу после выпускных экзаменов, Мерилин, – взволнованно говорил Ричард, когда мы ехали по темным улицам на своем «Фольксвагене» домой. – С твоим знанием испанского мы сможем путешествовать самостоятельно и увидеть множество интересного. Я чувствую, что такое приключение здорово поможет моему творчеству. Ты всегда говорила, что латиноамериканская литература сейчас переживает Золотой Век.

– А меня не нужно уговаривать, Ричард. Это отличная мысль. Только пообещай мне, что со мной не произойдет ничего подобного тому, что приключилось с подружкой Барроуза.

Увидев непонимающий взгляд Ричарда, я тут же добавила:

– Я имею в виду, что сцена, в которой описывается, как он случайно прострелил ей голову в гостинице, основана на реальном факте.

Я улыбнулась с притворной застенчивостью, закурила сигарету и выпустила дым а-ля Гарбо. Ричарду нравилось наблюдать за тем, как я затягиваюсь по-французски, и я иногда курила, чтобы доставить ему удовольствие.

Был май нашего последнего университетского семестра, и мы начали заниматься подготовкой своего «писательского» путешествия в Мексику. Вначале мы поедем на поезде до Юмы, штат Аризона, а затем продолжим продвижение на юг на автобусе, с остановками в каждой деревушке. Мы станем закаленными путешественниками,

знаменитыми писателями и настоящими любовниками – за одного путешествие.

За две недели до запланированного отъезда я должна была заехать за Ричардом, который брал интервью для университетской газетки у заезжей рок-группы. Было темно. Дул сильный ветер, и я, направляясь к своему «Фольксвагену» чувствовала себя совершенно разбитой. Роясь в сумочке в поисках ключей, я вдруг услышала совершенно жуткий звук. Казалось, он исходил из преисподней или был порождением кошмара. Словно почувствовав, что я фокусируюсь на нем, звук становился все громче, гнусавее. Я бросилась назад в свою комнату, захлопнув за собой дверь. Забилась в темный угол, дрожа как осиновый лист.

А звук становился все невыносимее – вой и крики, леденящие кровь. Я подумала, что так может орать только женщина-убийца, все еще сжимая в руке алый от крови топор. Никогда прежде и никогда после я не слышала ничего сравнимого с этим звуком. Перед моим внутренним взором вставали видения – зубчатая, серая пустошь, словно усеянная осколками стекла. Меня прошиб пот – крупный и едкий, и я почувствовала приступ тошноты. Наверное, я провела в своем углу не менее часа, пока все не прекратилось.

Мне было страшно покидать нашу квартиру. Но я должна была заехать за Ричардом, который наверняка уже начал нервничать, теряясь в догадках о том, что могло случиться со мной. Там, где я уронила ключи, сидел странное животное, величиной с кота, только передняя часть его тела была серой, а задняя черной. Казалось, оно умышленно уселось под ярким фонарем, чтобы я могла убедиться в том, что такой окрас никак нельзя отнести за счет оптической иллюзии. Я сделала пару шагов по направлению к животному, и оно ту же исчезло.

Всю дорогу меня бил озноб. Когда я подъехала к зданию клуба, то почувствовала себя настолько плохо, что поняла: назад машину вести я не смогу. У меня возникло безошибочное ощущение, что подобное переживание является каким-то предупреждением, – что-то неведомое нам обоим собирается мстить нам. В машине, несущейся по дороге, я рассказал об этом Ричарду. Он слушал внимательно, и я увидела, как румянец сходит с его лица. Раскурив очередную сигарету, он стал рассказывать мне древние истории своей родины – что-то о духах смерти.

Затем, не отрывая взгляда от коня, Ричард стал рассказывать мне о своем повторяющемся Сновидении, которое его очень тревожило. Во сне он стоит возле фургона на пустом мосту посреди ночи. Неожиданно из ниоткуда, из мрака вырывается машина с горящими фарами и несется прямо к нему. Она налетает на него прежде, чем Ричард успевает отскочить с дороги. Ричард сказал мне, что передние огни этой призрачной машины выслеживали его, словно глаза самой смерти. Во время рассказа он не мог скрыть волнения, и на висках у него проступил пот.

Позже, возвратившись домой и, улегшись в постель, мы, ясное дело, чувствовали крайнюю подавленность от всего пережитого этим вечером. Мы занялись любовью (в последний раз, как мне стало известно впоследствии), после чего забылись достаточно крепким сном. Мне приснился повторяющийся сон, преследовавший меня с самого детства. В этом сне я остаюсь одна, без родителей, в пустыне и пытаюсь найти хотя бы след человека. Но я не нахожу ничего – лишь кости и кактусы. Поднимается порывистый ветер, подталкивающий меня вперед со слепой силой. Поднятый ветром песок ослепляет меня. Наконец мне удастся различить крохотную хижину, затерянную среди барханов. Я с трудом пробираюсь сквозь пески по направлению к

ней. Я подхожу вплотную к хижине и вижу, что рядом с ней стоит высокий индеец, сгибающийся под порывами ветра.

«Дедушка, Дедушка!» – кричу я ему. Он слышит мой зов и начинает отчаянно жестикулировать, давая понять, что я должна немедленно спрятаться в хижине. Дырявые стены не в состоянии полностью оградить нас от порывов ветра, но все же в хижине мы чувствуем себя в безопасности.

Обычно сон прерывался именно на этом месте, но в эту ночь мне явилось его продолжение. Я спрашиваю Дедушку: «А где же Ричард?» – но тот в ответ лишь качает головой. Тут Ричард подскочил на постели с громким криком, который разбудил нас обоих.

Двумя днями позже, возвращаясь домой, мы попали в автомобильную аварию на пустынной загородной дороге. Мы ехали с концерта, о котором Ричард должен был написать отзыв, и за рулем был наш друг, Эрик Дамон. Я сидела на переднем сиденье и беседовала с ним о музыке. Ричард дремал сзади. Дорога была темной и пустой. Ни одной встречной машины. Белая полоса стала расплываться перед моими глазами. Я обернулась, чтобы взглянуть на заднее сиденье. На нем свернулся клубочком Ричард, словно плод в утробе матери. Я улыбнулась, почувствовала, как моя голова опустилась на плечо, и, поглядывая на Ричарда, начала погружаться в сон.

Мне кажется, что я помню, как центробежная сила стала выбрасывать нас с дороги, а затем, когда я проснулась, раздался страшной силы удар. Ветровое стекло разлетелось на мельчайшие осколки. Впереди зияла черная прямоугольная дыра. Меня пригвоздил к сиденью. «На помощь – кричала я. – Я не могу выбраться отсюда. На помощь!» Тут я взглянула на руку. Она была вся в крови. «О Боже!»

В поле моего зрения появился Эрик. Он шел один под круглой луной посредине пустынной дороги.

– Мерилин, – сказал он, просовывая голову сквозь боковое окно. На его лице виднелись порезы.

– Эрик, что произошло? Где Ричард? – закричала я.

– Он лежит на дороге, примерно в ста футах позади. У него неважный вид, Мерилин. Должно быть, он вылетел на дорогу, выбив люк. Даже не знаю, сколько времени прошло после аварии. Я расставил предупреждающие знаки вокруг машины, а они пошли звонить. Скоро должна приехать скорая.

Я безутешно зарыдала.

Скорая приехала через несколько минут. Дверцу машины с моей стороны пришлось вырезать автогенном. На то, чтобы вытащить меня наружу, ушло около двадцати минут. Меня сразу же отнесли в карету скорой помощи, стоящую рядом. Эрик был прав. Ричард выглядел совсем неважно. Он уже лежал внутри с кислородной маской на лице.

Он был очень бледен. На его лице застыло странное выражение, словно он только что выслушал какую-то приторно-льстивую, но в то же время саркастическую шутку. Он не отрывал от меня глаз всю дорогу, пытаясь что-то сообщить взглядом, но умер на операционном столе от внутреннего кровотечения, которое так и не удалось остановить.

Нам с Эриком сделали уколы и ничего не сказали. Нас отпустили по домам после того, как врачи зашили наши головы и обработали раны на теле. Мать Эрика поджидала нас в моей квартире, чтобы сообщить новость. Увидев ее, я сразу поняла, что случилось, и тут же бросилась к машине, чтобы добраться в больницу. Но не добежала, упав на землю и забившись в конвульсиях.

Ричард был выходцем из бедной ирландской семьи и почти всему в своей жизни был обязан своей рано овдовевшей, необразованной матери. Мне не удалось вовремя связаться с ней и потому самой пришлось заниматься подготовкой к похоронам. Когда ей сообщили о смерти сына, она выразила опасения, что не сможет оплатить дорожные издержки, хотя я предложила оплатить перелет.

Моя мать пришла мне на помощь. Я была бесплотным духом, бродящим по опустевшему дому, рыдающим часовым, обнаружив его любимую книгу или наткнувшись на его ботинок. Я нигде не могла обнаружить стихов Ричарда. Ночью я ложилась на его вещи, сваленные в кучу, и извивалась в истерике, шаря руками по своему лицу, словно искала потерянные глаза.

Однажды вечером в комнату вошла моя мать с решительным лицом:

– Тебе нужно уехать отсюда, Мэрилин. Он оставил тебе все свои сбережения, так?

Беги! Будь свободна! Именно этого он хотел. Обычная жизнь – не для тебя.

ГЛАВА II

Когда мы подъехали к Юме, уже совершенно стемнело. Воздух был сухим, а ветерок теплым. Я вытащила свой битком набитый рюкзак из-под сиденья, и поезд стал издавать звуки, которые всегда раздаются в поездах, когда те подъезжают к конечной остановке. Вначале, выйдя из вагона на темную платформу, я не заметила его. Он был одет в черные штаны и в черную рубаху навыпуск. Его волосы были черные, перевязанные черным платком. Что-то не позволяло мне отвести от него глаз. Я даже сняла со спины рюкзак, чтобы мне было легче стоять и смотреть. Он был высок, спокоен и неподвижен. В тени стоял старый индеец со светящимися, как у кота, глазами, – тот самый индеец, который так часто приходил ко мне в моих детских снах. Это был Дедушка!

Для меня старый индеец, Джон Черная Ворона – как он попросил себя называть, – был началом и концом всего. Помню, как думала, уходя с вокзала вместе с ним, что с этого момента моя жизнь станет совсем иной. Я оказалась права.

– Ты можешь остановиться у меня, Золотистый Люттик, – произнес старик, подходя ко мне.

Казалось, он высматривал кого-то в толпе, и я подумала, не перепутал ли он меня с какой-то другой женщиной.

– Единственная гостиница в этих местах вон та.

Он указал рукой на двухэтажный дом постройки тридцатых годов, издалека напоминающий конюшню. В свете уличного фонаря мне с трудом удалось разглядеть вывеску, свисающую со второго этажа. Меня передернуло.

– Это крысиная дыра, – добавил он, – и уже поздно. Ты не найдешь сейчас такси. Кроме того, в резервации куда интереснее, чем тут.

Он указал куда-то во мрак в другом направлении.

– К тому же я уже старик и не кусаюсь.

Я изумилась скорости и умению, которое проявил этот индеец, уговаривая меня. Он был упорен. Властен. Его поведение напоминало мне отчаянную жестикуляцию из моего сна. Я ощутила, как этот древний дух пытается вытащить меня из преисподней, в которой я оказалась, и поняла, что он был моей последней надеждой избежать полной аннигиляции.

В полном шоке я покорно кивнула головой. Все прочие перспективы в этом маленьком пустынном городке казались мне менее привлекательными. Он блеснул лукавой улыбкой, развернулся и повел меня за собой. Из пустыни прилетел ветер, и лунный серп вышел из-за одинокой тучи. Скучная растительная жизнь и ночные птицы, казалось, ожили все разом каким-то чудесным образом, начали перешептываться и издавать протяжные мягкие крики. Я же доверчиво углублялась в ночь с человеком, которого прежде встречала лишь во сне.

– Следуй за мной, – произнес он, когда мы пересекли мост и поплелись по грязной дороге, покину совершенно пустую платформу.

Джон Черная Ворона, индеец из Юмы, жил в своем дощатом домишке в резервации. По виду ему можно быть

дать восемьдесят пять лет. Я поправила свой рюкзак и оглянулась на луну. Мы шли по дороге, огибающей одинокий холм. На вершине холма, справа от дороги, стояло большое высохшее дерево, напоминающее по форме изогнутую виллу. Впереди, слева от дороги я увидела одинокий магазинчик, освещенный единственной тусклой лампой. Мы спустились в его световой круг, неслышно приближаясь к нему.

Мы зашли в это маленькое здание. Джон Черная Ворона спросил меня, не желаю ли я что-нибудь приобрести, а затем отошел к кассе и завел разговор с индейцем, слепым на один глаз. Я осмотрела все полки в надежде найти что-либо съестное. Единственными вещами, на которых можно было остановить свое внимание, оказались свиные шкварки, вяленая говядина и парочка коробок крекеров, завалывшихся между канистрами с керосином, проволокой, шинами и сигарами. Я остановила свой выбор на крекерах и кока-коле. Подойдя к прилавку, я просила Джона, не хочет ли он чего-нибудь для себя, но тот лишь отрицательно покачал головой.

Саймон Долгое Безмолвие Эмерсон – именно так был представлен мне человек у прилавка – пригладил свои черные волосы с сильной проседью и сел на табуретку. Он улыбнулся и посмотрел на меня одним здоровым и одним серебристым глазом. Я протянула ему деньги и сложила еду в свой рюкзак. Джон продолжал стоять, облокотившись на прилавок. Мне показалось, что он смеется над тем количеством еды, которое я приобрела.

Попрощавшись с хозяином магазина, мы побрели по дороге еще около мили, пока нашему взору не открылось крохотное поселение, состоящее из автоприцепов и дощатых домишек, окутанных неярким светом нескольких уличных фонарей.

– Вот мы и пришли, – сказал Джон, когда мы спустились со склона к маленькому одиноко стоящему домику.

Дом, принадлежащий Джону Черной Вороне, стоял между песчаными холмами, частично закрывавшими его от дороги, и канавой. Когда он открыл дверь и мы вошли вовнутрь, я поняла, что здесь не электричества. Единственная комната этого жилища освещалась керосиновой лампой. В неверном свете я различила две деревянные койки, стоящие у противоположных стен. В ногах у каждой койки, стоящие у противоположных стен. В ногах у каждой койки находилось по большому окну. Это были единственные окна в доме. Из одного окна открывался вид на холмы, из второго можно было увидеть ров с водой. Джон Черная Ворона указал мне рукой на койку, с которой была видна вода, и сказал, что я могу занимать ее.

Я сбросила на нее все свои вещи. Звук был такой, словно матрас был набит соломой. Кровать была покрыта хлопчатобумажным одеялом, на котором красовались изображения молний – желтых на синем фоне. В ногах лежали запасные одеяла. Джон зажег еще одну лампу, и я увидела, что на его одеяле изображены звезды, словно разрывающиеся изнутри.

В центре комнаты стоял недоделанный деревянный стол и две скамьи. У задней стены располагались высокая табуретка, газовая плита с двумя конфорками и два деревянных сундука. Задняя дверь находилась строго напротив входной двери. В тусклом свете я сумела различить свисающие с балок вязанные сумки, набитые, как мне показалось, сушеными растениями.

Джон Черная Ворона сказал, что мне стоит выспаться, так как утром мы с ним, возможно, предпримем вылазку в пустыню. Затем он объяснил, что «удобства» находятся на